

Качество: целомудрие

ПИСЬМА

Елена Дубровская

Дверь открылась, и Полина очутилась перед вопрошающими глазами родителей.

– Что? Что сказали?!

Из кабинета один за другим выходили врачи. Наконец-то появился и Григорий Матвеевич, уже давно поседевший мужчина, больше похожий на Деда Мороза, чем на профессора медицины. Отыскав глазами Полину и её родителей, он сразу направился к ним.

– Ну что? Закончилась наша семнадцатилетняя эпопея! Поздравляю всех нас! Все исследования прошли прекрасно. Сердце бьётся так, что многие позавидуют.

Мама совсем растрогалась и стала всхлипывать, вперемешку причитая и бормоча слова благодарности. Пожилой врач по-отцовски взял её за руки.

– Ольга Борисовна, наша Поляночка выдержала такие сложные операции. Все семнадцать лет, считайте, за больничными стенами. Вы были такая сильная, а теперь ей опять нужна Ваша помощь. Теперь ей надо помочь научиться жить обычной жизнью, среди сверстников: завести друзей, учиться уже не одной, а в обычной школе.

Они шли домой пешком. Хотелось почувствовать это состояние незнакомой для них жизни, без больниц, палат и капельниц. Папа всю дорогу пытался приободрить своих девчонок. Правда, получалось у него не очень.

– Новое сердце – новая жизнь! Всех детей первый раз в школу в первый класс провожают, а мы сразу в одиннадцатый! Вы вообще представляете, учитывая проблемы современного образования, сколько мы выиграли!

У Полины было смешанное чувство нестерпимого желания и страха. Она в эти дни была как ребёнок, который только сделал первые шаги и начал постигать жизнь. Освоение кухни с её многочисленными техническими приспособлениями

закончилось полным восторгом от первого приготовленного супа. Чего не скажешь про ощущения от первого похода в торговый центр. Обилие вещей, в которых она не очень разбиралась, и множество людей вызвали в ней чувство подавленности. Поэтому они зашли только в ближайший отдел со школьной формой и купили там всё, что нужно.

В прихожей перед зеркалом стояла тоненькая восемнадцатилетняя девушка в белой блузке и синей юбке. Туго заплетённая коса ещё больше подчеркивала её огромные синие глаза на бледном лице. День знакомства со своими одноклассниками Полина представляла тысячу раз. Всю свою жизнь, меняя больницы, она мечтала о друзьях, о том, что у неё будет подруга, с которой они будут делиться всеми секретами и мыслями.

В её скромном опыте жизни только один раз был случай настоящей детской дружбы. Полине было десять лет, когда в палату привели девочку ещё более тоненькую, чем она, и совершенно лысую. Она возникла на пороге с такой улыбкой, словно чеширский кот брал у неё мастер-класс.

– Привет! Я – Яра. Ярославна.

– Я Полина.

– У нас такие красивые имена! Ярославна и Полина! Как будто мы сказочные принцессы.

И тут всё началось. Яра была неутомима в своих выдумках и играх. Они, не вставая с кровати, путешествовали по другим планетам, сражались с богатырями за Русь-матушку, выбирались из затерянных миров и осваивали таинственные острова. Каждый новый день как новая книга, полная захватывающих приключений. Но однажды, играя в очередную игру, Полина замолчала. Впервые её захотелось поговорить с кем-то о том, что её действительно тревожит. С родителями нельзя, потому что любой такой разговор вызовет у них панику. Сражаясь за жизнь дочери, они и так забыли о себе. Но Яра! Этот радостный, чистый, позитивный человек за последние две недели стал для Полины лучшей подругой и сестрой.

– Яра, скажи мне, если Бог решил сделать так, чтобы мы родились больными, то зачем мы так сражаемся за свою жизнь? Мама говорит, что я должна бороться, но зачем?

Яра лежала и смотрела в потолок. Наверное, впервые в жизни она была предельно серьёзна:

– А ты думаешь, что Бог хочет видеть, как ты смиренько так умираешь и ничего не делаешь?!

– А что он хочет видеть? Ты знаешь?

– Мне кажется, знаю. Он хочет видеть, как ты делаешь других счастливыми. Я думаю, что он хочет видеть тебя красивой, и чтобы вокруг тебя всё было красиво.

– Как?! Лежа в постели, я приношу только страдания своим родителям, – и тут Полину осенило, – ты меня сделала счастливой! Ты помогла мне! Я даже теперь думаю красиво.

– А ты сделала счастливой меня. Мы же принцессы.

Яра замолчала, а Полина впервые за многие годы сладко уснула, словно всё расставилось по местам.

Утром, открыв глаза, она увидела, как медсестра заправляет кровать Яры.

– Где она?

– Её выписали.

– Неправда! Она бы попрощалась со мной! Она умерла?! Скажите!

– Поля, так бывает, когда ничего уже нельзя сделать.

– Всегда можно что-то сделать! Она могла! Она всегда знала, что делать!

Поля рыдала так, как никогда в жизни. Медсестра, взволнованная тем, что Полине нельзя волноваться, побежала за врачом, и уже через несколько минут плачущей девочке делали успокоительный укол.

С тех пор прошло восемь лет. Полина вылечилась и была уверена, что ей дали этот шанс не просто так, и что Яра была послана как ангел-хранитель, через которую

Бог передал ей своё послание. И теперь она знала, чему посвятит свою жизнь. Она станет детским психологом, но не простым, а хорошим психологом. Она поможет неизлечимо больным детям дать ответы на их непростые вопросы. А пока – письма...

Полина начала писать письма через год после ухода Яры. Столовая была самым весёлым местом в больнице. Помимо общения с работающей на кухне няней Таней, которая всегда наливала вторую порцию компота из сухофруктов, можно было болтать и смеяться с ребятами из всех палат. Но когда в столовой появился грустный мальчик лет 12, который ни с кем никогда не разговаривал, Полина серьёзно задумалась.

– Няня Таня, а как новенького мальчика зовут?

– Валец. Валентин.

– Вы не знаете, почему он всегда такой грустный?

– Кто же знает, – она посмотрела на задумчивую Полину, – а ты поговори с ним.

– Я пробовала, он не хочет. Если бы тут была Яра, она бы точно знала, что делать.

На следующий день на завтрак Полина передала тёте Тане сложенный вчетверо тетрадный лист, на котором было написано: «Письмо для Валентина. Передать только в руки».

– Пожалуйста, передайте ему это письмо.

За ужином, хитро улыбаясь, няня Таня протягивала сложенную записку.

– Что ты ему написала? Мальчишка преобразился, даже добавку попросил.

И тут Полина впервые почувствовала удовлетворение от жизни! Вот, оказывается, о чём говорила Яра! Вот ради чего стоило бороться за свою жизнь. Преображение. Человек и только человек, независимо от возраста, физических возможностей, может преобразовать всё, что захочет и когда захочет. И Полина нашла своё предназначение в письмах.

За семь лет у неё образовалась целая почтовая служба. Дети, страдающие серьёзными заболеваниями, писали ей о том, о чём ни с кем не могли поговорить. У Полины всегда находились для них слова. Она рассказывала им о себе, о Яре, о невероятных путешествиях, которые можно совершать в своём воображении. Сначала она сама находила детей, а потом всё изменилось, и она начала получать письма со всех уголков России. Ей писали дети, родители, а однажды ей прислали благодарность из одной больницы. Письма были не только электронные, очень много писем приходило по почте. В них были рисунки, засушенные гербарии, вырезанные из бумаги фигурки. Однажды Миша Блинов ей прислал прядь волос. Болеющий лейкемией четырнадцатилетний подросток мечтал стать рок музыкантом и ждал пересадку костного мозга. На Полину очень подействовало это письмо, ведь теперь она здорова, а значит, ей дали ещё больше возможностей, но как ими распорядиться, было совершенно непонятно. Тем более что ей сейчас и самой надо бы влиться в новое общество, новую жизнь, и побыстрее.

Полина зашла в класс и, уже стоя у двери, поняла, что белая блузка и синяя юбка – это не тот гардероб, который позволит ей быть среди одноклассников своей. В это самое время дверь в класс широко распахнулась, и ей в спину врезалось что-то очень большое и невероятно хорошо пахнущее. Поля обернулась и подумала, что такие же красивые, выразительные глаза и точёные черты лица принадлежали Давиду Микеланджело, не меньше. Высокий парень смотрел на неё с ослепительной улыбкой.

– Новенькая?

– Да.

– Бухарцева, – крикнул он куда-то в другой конец класса, – в твоём полку прибыло!

Полина смотрела, как он уходил в объятия какой-то накрашенной блондинки, а к ней приближалась Бухарцева, полная, невзрачная и, судя по угловатым движениям, стеснительная девушка в очках с толстой оправой. Она была одета точно в такую же блузку, как и Полина, только на пять размеров больше.

– Привет, я Вика, – она была на целую голову ниже Полины, из-за чего чувствовала себя ещё более неудобно и переминалась с ноги на ногу.

Полина улыбнулась ей своей обаятельной улыбкой, которую она приобрела в 10 лет, познакомившись с Ярой. Она протянула Вике руку.

– Полина. Насколько я понимаю, в нашем полку двое?

– Трое, – и Вика мотнула головой в сторону скромно сидящего у окна парня, многозначительно читающего учебник истории.

– Отлично! Трое – это сила!

Но на уроках всё пошло не так, как хотелось и представлялось. А через неделю стало ещё хуже. Привычка существовать вне коллектива постоянно ставила Полину в самые нелепые ситуации. Индивидуальное обучение в течение последних десяти лет толкало её сразу громко отвечать на поставленный учителем вопрос, а потом, спохватившись, ловить на себе недовольные взгляды учителей и одноклассников, сразу записавших её в разряд выскочек. Ещё оказалось, что она совсем не может поддержать разговор, и с ней никому не интересно. Вика и Коля сочувственно глядели на её промахи, но старались держаться от неё подальше. К концу месяца обучения Полина так ни с кем и не подружилась и, чтобы не сильно расстраиваться, решила наблюдать и учиться. Особенно было интересно наблюдать за «Давидом» и его девушкой. Тем более что они её совершенно не замечали.

Вадим и Света – самая яркая пара в лицее. Оба из очень приличных семей, правда, Полина пока не успела разобраться, что в мире людей считается приличным. Оба красивые, талантливые, играли в рок-группе и выступали на престижных концертах. Все в школе смотрели на них, как на небожителей, включая Бухарцеву и Остроумова.

За окнами вовсю главенствовала жгучая осень, а в лицее шла подготовка сразу к двум праздникам: посвящению в лицеисты и Дню народного единства. Полина не была задействована в этих приготовлениях, но с удовольствием наблюдала предпраздничный экстаз, выраженный в ускоренном темпе жизни всего лицея. Она уже собиралась домой, когда у выхода её остановил Фёдор Павлович, их учитель

информатики, звукорежиссёр, электрик и наверняка обладатель ещё нескольких профессий:

– Верховенская! Полина! Срочно иди в актовый зал, там за сценой – репетиционная. Держи, отнесёшь, – и он передал в руки Полины два радиомикрофона.

– Хорошо.

Она впервые держала в руках микрофоны. Всё это было так ново для неё и восхитительно в своём неповторимом движении жизни. Полина вошла в небольшую комнату, полностью обставленную инструментами. Большую часть занимала барабанная установка, а ближе к стене стоял синтезатор, две гитары и стойка для микрофона. Непреодолимое желание извлечь звуки из каждого инструмента заполнило все её мысли. Она робко начала своё исследование комнаты, пока не добралась до микрофонной стойки. Полина вставила микрофон, а воображение уже рисовало картины концерта, где музыканты покинули свои места, чтобы оставить певицу одну, наедине со зрителем. И вот она запела. Песня унесла её далеко в прошлое.

Они с Ярой счастливые, хохочут на больничных кроватях. И вот уже она одна. Долгие месяцы она изучает ветку дерева за окном и слушает аудиокниги. А теперь пришло время писем. Сотни писем пробежали перед глазами. Сейчас она живёт полноценной жизнью, но не чувствует большей пользы от своего существования, чем тогда, в больнице. Она закончила свою песню и ощутила, что всё её лицо залито слезами. И вдруг, к ужасу всей ситуации, за её спиной раздались одиночные аплодисменты. Полина незаметно смахнула ладонями остатки слёз и повернулась... и во второй раз утонула в этих глазах. Только теперь в них впервые не было жалости, усмешки, а скорее интерес и искреннее удивление.

– Что это за песня? – Вадим подошёл к ней так близко, что она вновь почувствовала его запах.

– Осенний романс.

– Кто тебя научил петь?

– Я в одной больнице лежала с Евдокией Михайловной. Она в молодости была исполнительницей старинных романсов. Целый месяц меня им учила, пока не выписалась.

– А ты?

– Что я?

– Она выписалась, а ты осталась в больнице?

– Да. Я там лежала так долго, что стала специалистом по старинным романсам.

– И сколько?

– Всю жизнь.

Было видно, что Вадим чувствует себя неловко. Он не понимал, что в таких случаях говорят, не понимал, как надо себя вести.

– Ты любишь рок?

– Не знаю. Я в современной музыке ничего не понимаю. Родители нашли какую-то книгу по музыкотерапии, и после этого я слушала в основном классику.

– Если ты любишь классику, значит, полюбишь и рок. Бах ещё тот рокер, а Бетховен металлист.

– Только у них не три аккорда, как у некоторых, а побольше будет, – в дверях стоял худощавый, симпатичный молодой человек с ямочкой на подбородке.

– Ты чего здесь? – Вадим протянул руку для пожатия.

– Студию сдал на сегодня, репетируем здесь, сейчас Бор приедет. Познакомь, – и он кивнул в сторону Полины.

– Кирилл, или просто Кира – наш солист. Это Полина. Она вышла из больничного заточения к людям и, пока смертоносный хип-хоп не захватил её в свои губительные сети, я хочу познакомить её с классикой рока, – пока Вадик произносил эту речь, он открыл на компьютере все легендарные рок-группы, и из колонок уже звучала «Лестница в небеса». Кирилл беззастенчиво сел и рассматривал смущённую в конец Полину.

– Мне надо идти, – непривыкшая к ироничному общению, она поднимала с пола свой рюкзак, когда Кира неожиданно её остановил.

– Полиночка, Вадик не с той музыки начал. Никакого драйва: где барабанная партия, где пассажи? Приготовься к энергии, которая захватит тебя полностью!

Через минуту из колонок гремела AC/DC, а мальчишки, изображая своих кумиров, орали вместе с ними в нерабочие микрофоны. Это было настолько заразительное зрелище, что Полина засияла своей неповторимой улыбкой.

– Что здесь происходит?! – Света стояла у входа в репетиционную, и вся её поза показывала явное недовольство происходящим.

Вадим подошёл к ней, обнял и ласково поцеловал где-то рядом с губами.

– У Киры занято, сегодня репетируем здесь.

– Хорошо, а она что здесь делает?!

Вадим посмотрел на пробирающуюся к выходу Полину и остановил её, взяв за руку.

– Знакомься, наша одноклассница Полина Верховенская!

– Я знаю, кто она, – Света даже не взглянула в её сторону, а продолжала неотрывно смотреть на Вадима, – что она тут делает?

– Очень просто. Полина оказалась обладательницей уникального голоса и знатоком старинных романсов. Мы с Кирой решили, что... – Вадим сделал значительную паузу, по которой было совершенно ясно, что ничего они с Кирой не решали, – что нам в репертуаре не хватает изюминки. Это будет романс! – Вадим выдохнул. Идея пришла, и можно было её развивать, поэтому он продолжал уже более уверенно и активно, – Полина подберёт нам поинтереснее слова. Мы сделаем аранжировку и споём её на фестивале. Как тебе наш план?

Света смотрела на них и чувствовала нарастающую злость.

– Чудовищный!

Кирилл подошёл к барабанной установке и начал играть.

– А почему бы и нет. Бред часто рождал гениальные творения.

– Вы всегда всё решаете за других? – Полина смотрела на всё происходящее удивлёнными глазами.

– Да, ты права. Это как-то в одни ворота, ты тоже должна видеть свою выгоду.

– Выгоду? Я не рассуждаю такими категориями.

Вадим уже брал в руки гитару.

– Конечно, не рассуждаешь. А всё потому, что вы, Полина Верховенская, жизни не знаете.

– Пока не знаю. Но потихоньку осваиваюсь.

– Вот! Сама не освоишься. Тебе нужен проводник. Это же как в горах: один неверный шаг, и ты в обрыве, – Вадик для пущей важности озвучивал свои слова гитарными пассажами, и вместе с барабанами Кирилла всё это смотрелось более чем убедительно. – А сколько опасностей тебя поджидает?! Вот ты знаешь, что такое дикие люди в чёрную пятницу?

– Нет, – Полине начинал нравиться этот разговор.

– Вот. Ты ещё много чего не знаешь. А мы с товарищами тебе поможем, если ты поможешь нам. В нашем мире это называется бартер. Договорились?

Полина совсем расслабилась и даже недовольная Света, так и стоявшая у двери в недовольной позе, перестала на неё действовать. Полина подумала, что на самом деле это прекрасный шанс, а то она так и будет похожа на исхудавшую Бухарцеву.

– Хорошо. Что я должна сделать?

– Ты должна найти такой романс, чтобы эти слова любого рокера зацепили.

За следующие две недели они научили Полину орудовать палочками при поедании суши, выбирать себе одежду и одеваться как «адекватная современная девушка», сходили в клуб и научили танцевать, гуляли по Питерским крышам и горланили на них песни. Света была само обаяние, искромётный юмор, восторженные глаза и очень обходительное отношение к Полине. Вадим

с удивлением смотрел на Свету и словно открывал её для себя заново. Ребята из группы очаровали Полину, а Кирилл не отходил от неё ни на минуту. В какой-то затянувшейся эйфории пребывала Полина, пока как-то вечером она не пришла домой и не увидела маму, разбирающую огромную груду писем, которыми был завален весь стол. Полина со всей живостью увидела себя со стороны, и в эту минуту её стошнило. На завтра и в следующую неделю она отказалась идти куда-либо с ребятами, а методично разбирала всю почту. В электронном ящике писем оказалось ещё больше, и понадобилось ещё несколько вечеров, чтобы ответить на каждое. Полина сидела на балконе и смотрела на тёмное осеннее небо Петербурга. Ей не хотелось ни с кем разговаривать, и поэтому, когда папа открыл балконную дверь и сказал, что к ней пришли, Полина почувствовала лёгкую досаду. В комнате её ждал Вадим.

– Ты без Светы? – этот вопрос словно вылетел изо рта и, чтобы исправиться, она сразу продолжила: – Что-то случилось? Ты бы мог позвонить.

– Не мог. Ты бы опять отказалась, – Вадим устанавливал на штатив небольшую камеру, – бартер помнишь? Мы вводим тебя в жизнь урбанизма и сумасшествия, а ты поёшь романс.

Вадим оторвался от настроек камеры и улыбнулся Полине своей восхитительной улыбкой. Она отвела глаза, в который раз приказав себе не смотреть в его сторону.

– Итак, давай начнем с чего-нибудь лёгкого. Философская лирика или, может быть, неразделенная любовь.

– Что же для тебя тогда сложное?

– Сложное – чтобы ты расслабилась перед камерой. Что с тобой будет, когда ты выйдешь на сцену?

– Я никогда не выйду на сцену.

– Я тебе обещаю, что выйдешь. А я привык исполнять свои обещания.

– Не получится, я от камеры вся дрожу. Вот, смотри, ноги трясутся.

Они засмеялись, и это помогло ей немного расслабиться.

- Знаешь, я могу с тобой позаниматься на снятие зажимов.
- Я думаю, что не надо. Свете может это не понравиться.
- Свете?! Ты её плохо знаешь. Всё. Включаю камеру. Пой.

Полина посмотрела в камеру, а потом немного повернула голову к окну, за которым горели окна города, и запела. Она запела с каким-то внутренним облегчением. Лучше утонуть в песне, чем в его глазах. Её новое сердце не знало злобы, зависти, ревности, а её душа привыкла к боли и терпению. Полина закрыла глаза и поэтому она не могла видеть совсем другой, грустный взгляд Вадима, направленный прямо на неё, в её сердце. Вадим уже собирал камеру, когда увидел разложенные по стопкам письма.

- Письма?! Всё тебе? Я и не знал, что сейчас кто-то пишет письма руками.
- Да, пишут. Это от детей, которым приходится проводить свою жизнь в больнице. Правда, из меня оказался плохой помощник.
- Почему?
- Когда ты сражаешься за свою жизнь, то становишься очень восприимчивым к чужой боли. Поневоле начинаешь размышлять о...
- ...причине своего существования?
- Да. И думаешь, что знаешь эту причину, знаешь себя, пока не попадаешь в мир других ценностей, соблазнов, желаний, развлечений. И оказывается, что быть хорошей, чистой очень легко в ограниченном пространстве, и очень сложно в обычной жизни.
- Тебя совсем разочаровал мир людей? Мы не такие, как ты себе представляла?
- Меня разочаровала я. Оказалось, что я не совсем такая, как о себе думала.

Всю ночь Полина не могла уснуть. Она вспоминала себя, Яру, Евдокию Михайловну. Думала о родителях, будущем. Ей казалось, что утром она проснулась такой, как прежде. Словно вернулась к себе.

После репетиции Кирилл подошёл к Вадиму.

– Что у тебя с Полиной?

– Кира, у меня отношения со Светой. Полина мне друг и хорошая девчонка.

Всегда яркий и свободный, окруженный поклонницами Кирилл словно мялся, пытаясь сказать главное.

– Короче, я хочу с ней встречаться.

– Тебе моё разрешение не нужно.

– Если всё так – отлично.

Вадим чувствовал, что пытается выглядеть безразличным, и сам удивился тому, что его слова и радость за друга звучали как-то натянуто и фальшиво. На репетиции он наблюдал, как Кирилл общается с Полиной, и даже иногда пытается взять её за руку.

– Ревнуешь? – насмешливый голос Светы вывел его из задумчивого оцепенения.

– Просто переживаю за Полину.

– И что так? Она вроде в порядке, – несмотря на все свои старания, Света понимала, что её слова пропитаны иронией. А выдавать себя нельзя. Кирилл повернулся к Свете и взял её за плечи.

– Ты же знаешь Кирилла. Он ещё тот сердцеед. А Полина как ребёнок, который делает первые шаги.

– Хорошо. Я поговорю с Кириллом, чтобы был с ней нежнее.

– Скорее, честнее.

– Ты прав. Честность в отношениях главное, – Света пристально посмотрела в глаза Вадима, словно испытывая его. Но он их не отвёл, а только ближе прижал её к себе.

– Светка, спасибо! Хорошо, что ты у меня такая...

– Какая?

– Другая. Чело-ве-ко-лю-бивая!

После репетиции Света поджидала Кирилла на выходе. Дождавшись, когда он наговорится с Полиной, и она уйдёт, Света подхватила его под руку.

– Новая жертва? – она кивнула на удаляющуюся Полину.

– Это скорее я жертва.

– Чего?

– Ой, Светик, есть такое старинное слово, ты его, наверное, не знаешь – целомудрие.

– Жертва целомудрия?! Девственницы – они такие.

– Опять промахнулась. Тебе, Светка, пора знать, что целомудрие – это не совсем про постель. Это скорее про душу. Тоже очень старинное слово.

Кирилл ушёл, оставив её одну. Света чувствовала отчаянье и совершенно не понимала, что ей делать. Вадим смотрел на неё с обожанием, они проводили кучу времени вместе, но он никогда не смотрел на неё так, как смотрит на Полину. Так смотрят на иконы, не на людей.

Репетировали много и шумно. Жаркие споры сопровождали каждую репетицию. Общение с Полиной изменило всех. У Кирилла была небольшая студия звукозаписи, и он уговорил Полину записать несколько романсов в её исполнении.

Она закончила петь и ещё не сняла наушники, чтобы выйти из маленькой комнаты для записи, как услышала голос Кирилла, который смотрел на неё через небольшое студийное стекло.

– Я тебе совсем не нравлюсь?

– Что за глупости, конечно нравишься!

– Но не так, как Вадим. Да? Я же вижу, как ты на него смотришь.

– Мне надо быть аккуратней во взглядах.

Полина сняла наушники и вышла.

– Я бы хотел встречаться с тобой не как друг. Но я так понимаю, что твоё сердце занято.

– Какие глупости! Ты видел, какие Вадик со Светой влюблённые и счастливые. Я даже подумать не могу о том, что что-то сможет их разлучить. Может, я просто где-то глубоко им завидую.

– Или любишь, и сама этого не понимаешь. Вадим доверчивый, раз верит Светке, и слепой, раз не видит тебя.

– Я не хочу об этом говорить. Прости, мне надо домой. Мне ещё письма разбирать.

– Хочешь, помогу?

– Помоги.

На каждый день фестиваля были распределены группы. Зал был полный. Ребят пришли поддержать одноклассники, родители, которые разительно отличались от завсегдатаев рок -фестивалей. Их группа была самой молодой. По сравнению с другими выступающими, мальчишки смотрелись совсем детьми. За некоторыми столами сидели мастодонты отечественного рока, и все, конечно, мечтали быть ими замеченными. Кто-то из гостей фестиваля брал у них автографы, а самые смелые просили селфи. Ребятам выделили отдельную гримёрку и возможность исполнить две песни. Все заметно нервничали, кроме Светы, которая методично красила губы. Вадим в который раз посмотрел на часы.

– Я не понимаю, почему Полина опаздывает.

– А я не понимаю, почему это так должно нас волновать? Ты прекрасно романс поёшь без неё, – Света оторвалась от зеркала и очень драматично посмотрела на Вадима.

– Репетировали с ней, – Кирилл был более сдержанным, но волнение выдавало движение желваков.

По внутренней связи объявили, что группа «Постоянные» готовится к выступлению. Они уже выходили на сцену, как в спину Светы зашептал взволнованный голос.

– Чуть не опоздала.

Света обернулась, посмотрела на запыхавшуюся Полину и отвела её в сторону.

– Пока они готовятся, беги в гримерку, хоть разденешься. Романс поём вторым, так что не опоздаешь.

Света потом часто вспоминала тот день. Что её побудило пойти за Полиной и тихонько повернуть ключ снаружи, оставив её в гримерке? Скорее глаза Вадика, которые забыли о выступлении, а искали её. Он думал о Полине, он ждал её, он любил её. Света чувствовала себя брошенной и обманутой, чувствовала, как слёзы подкатывают к горлу, а она сдерживала их как могла, пожимая плечами на вопросительные взгляды Вадика по поводу того, что Полины ещё нет.

Первая песня подходила к концу, Вадим ещё раз посмотрел на Свету, но та в который раз покачала головой. Вадик подошёл к Кириллу и, немного посоветовавшись, вышел к микрофону.

– Сейчас вы услышите песню, которая родилась благодаря одному удивительному человеку. Она пришла в нашу группу несколько месяцев назад, но этого хватило, чтобы мы стряхнули с себя тонны сомнений, разочарований, обид, непонимания. Полина, я обещал тебе, что ты выйдешь на сцену. Неважно, что тебя здесь нет, я сдержу своё обещание.

И в это время на большом экране появилась Полина. Это была та самая запись, которую Вадим делал у неё дома. Она запела романс, и буквально через несколько строк с ней играла вся группа. Слова Тютчева в рок-исполнении звучали очень сильно и при этом трогательно.

А в это время Полина сидела на полу гримерки и, утирая слёзы, слушала их песню. Они столько раз её репетировали, но сейчас она звучала совсем по-другому: глубоко и пронзительно. Словно человек каждый день смотрел на звёзды, но вдруг увидел их со дна колодца и понял их непостижимую красоту. Вот так Полина поняла, что эти ребята помогли ей, как никто другой, и что они стали для неё настоящими друзьями. А один из них поселился в её сердце. Но именно его она не должна была туда впускать.

Но тут ключ неожиданно повернулся, и в гримерку заглянуло серьёзное лицо уборщицы.

– Кто есть? А то, смотрю, ключ снаружи торчит.

– Спасибо большое. Меня случайно закрыли.

Полина вышла из гримёрки и направилась к служебному выходу. Она хотела на воздух. Ей хотелось скорее быть дома, зарыться в письма, думать о детях, которые ей пишут, и прекратить думать о нём. Она переведётся на домашнее обучение, потом поступит в институт. Главное, быть подальше от человека, который занял все её мысли, всё её существо. Группа «Постоянные» закончила своё выступление, и Вадим подлетел к Свете.

– Ну что? Так и не пришла?

– Добрый день! Скажите, а где мне найти Полину Верховенскую? – перед ними стоял совершенно бледный, худой мальчик лет пятнадцати в шапке, натянутой почти на глаза.

– Её здесь нет. А что-то ей передать, кто её искал? – Вадим смотрел на мальчика, и ему показалось, что он знает, кто это.

– Я Миша. Я писал ей письма. Она сказала, что познакомит меня с музыкантами.

– Точно! Ты мечтал играть рок-музыку.

Света смотрела на этого мальчика. И тут всё в её голове встало на свои места.

– Миша, тебе не Полина нужна, а ребята, если ты действительно хочешь быть рок-музыкантом. Это Вадим – он тебя всему научит, – потом она посмотрела на Вадима и опустила глаза, – я её закрыла в гримерке, беги открой. А я уйду. Уйду из группы, уйду от тебя.

Света уходила, а Вадим стоял в нерешительности. Сейчас, в эту минуту, ему предстояло сделать выбор: бежать за Светой или бежать открывать гримёрку. Но он продолжал стоять, словно осмысливая, что сейчас произошло, пока голос Кирилла не вывел его из этого состояния.

– Гримёрка открыта. Она ушла.

Город жил своей привычной жизнью. На Невском пели группы, туристы стояли и снимали их на свои телефоны, машины мчались с бешеной скоростью, люди толкались в метро и продолжали куда-то бежать. Как трудно заметить человека в этом сплошном людском потоке... Особенно если разговариваешь по телефону, как это делал Вадим, периодически останавливаясь около уличных певцов.

На его плечо легла тоненькая рука, Вадим повернулся. Перед ним стояла Света, которая смотрела прямо на него.

– Привет! Давно не виделись, – Света за этот год сильно изменилась. Она уже была похожа не на подружку рокера, а на прилежную студентку.

– Рад тебя видеть. Как ты?

– Я замечательно. Учусь в СПбГУ, буду филологом. Сказала и сама удивилась. Кто бы мог подумать... А как ты? Как Полина?

– Я поступил в ИТМО, а Полина как, я не знаю. Я с того концерта её больше не видел.

– Ты debil?!

– Как красиво сказано будущим филологом. А ты хотела, чтобы я бросился за ней в ту же секунду, как ты меня бросила?

– Год прошёл! Я ушла только для того, чтобы вам не мешать, ты же у нас такой правильный, сам бы не признался, что её любишь! А теперь оказывается, что мой великодушный жест был никому не нужен?!

– Это был неуместный жест. Могла бы со мной поговорить, чем так уйти и потом ни слова. Сколько раз я просил тебя поговорить со мной?!

Света смотрела на Вадима и понимала, как глупо всё получилось.

– Ты хотя бы думал о ней? В этом я не ошиблась?

– Да, думал.

– Так может сейчас не поздно?

Полина с яблоком во рту и охапкой писем в руках пробиралась к своему письменному столу. Там красиво сложенными стопочками лежали её ответы, которые она должна будет утром отнести на почту. Среди пришедших писем одно очень выделялось среди других. На нём не было марки, обратного адреса, словно его принесли и бросили в почтовый ящик. Полина открыла его и замерла, практически перестала дышать, пока глаза разглядывали буквы сквозь капли слёз, которые падали и падали.

«Полина!

Это моё первое письмо в жизни, которое я пишу руками. И я, как и твои подопечные, нарисовал тебе рисунок. Только не смейся над ним, я поступил в ИТМО, а не в Репинскую Академию. Странное ощущение: когда ручка соприкасается с бумагой, словно чувствуешь, что должен писать только правду, не обманывать ни тебя, ни себя. Я думал о тебе весь год. Но мне хотелось прийти к тебе сильным и уверенным, а на деле я был ещё более потерянный в этой жизни, чем ты, когда только вышла из больницы. Помнишь Мишу, который мечтал стать рок-музыкантом? Мы уже с ним год занимаемся. Сначала я это делал, чтобы ты узнала и поняла, какой я хороший. Но однажды Миша сказал мне: «Я же из выживших. А мы, знаешь, какие дерзкие и упорные». И тогда я понял, что не я помогаю Мише, а он вытаскивает меня. Сегодня для меня особый день. Я тоже хочу быть дерзким и упорным и, может быть, ты дашь мне ещё один шанс и познакомишься со мной заново? Привет!»

Полина прочитала «Привет» и чётко услышала его за спиной. Она, как тогда в репетиционной, смахнула слёзы и повернулась. Вадим стоял совсем рядом, и она в который раз утонула в его глазах.